27 ИЮН 1976 СМЕНА г. Ленинград

«...МЫ ХОРОШО ЗНАЕМ, ЧТО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО, ПЕРЕЛИВЫ ЯРКОЙ, ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ ЖАЖДЫ, ГАРМОНИЯ ЗВУКОВ ВДОХНОВЛЯЮТ СОВРЕМЕННИКОВ И ПЕРЕДАЮТ ПОТОМКАМ ПАМЯТЬ СЕРДЕЦ И ДУШИ О НАШЕМ ПОКОЛЕНИИ, О НАШЕМ ВРЕМЕНИ, ЕГО ПЕРЕЖИВАНИЯХ И СВЕРШЕНИЯХ».

ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

Найди свою «птицу»...

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает народный артист РСФСР Игорь Петрович Владимиров

НЕСКОЛЬКО часов назад они прилетели с БАМа и вот уже выходят на основную сцену Театра имени Ленсовета. Они — это двенадцать артистов ленинградского Молодежного театра, которому скоро исполнится два года. Несмотря на усталость после дальнего перелета, спектакль свой играют легко и радостно, и зритель тоже не скупится на добрые чувства... Когда занавес опускается, я иду в кабинет создателя коллектива, его главного режиссера, народного артиста республики Игоря Петровича ВЛАДИМИРОВА, и включаю магнитофон.

— Спектакль называется «Как нарисовать птицу». Наверное, Игорь Петрович, такое название и такая тема в Молодежном театре совсем не случайны! Ведь «нарисовать птицу» — это относится не к одним художникам, да и вообще не только к людям, работающим в искусстве!

— «Как нарисовать птицу?» — первая строка знаменитого стихотворения Жака Превера с таким же названием. И вы правы, тема спектакля вовсе не в том, что Превер в своем стихотворении поднимает вопросы творчества, вдохновения, — тут надо смотреть шире, потому что каждый человек рано или поздно задумывается: как ему «нарисовать птицу»? Как сделать свой труд творчеством? Мне кажется, что нетворческих профессий вообще не существует. Недаром же в народе про хорошего умельца говорят: «Работает, как артист!»

В Горьком я знал бухгалтера, который в пятидесятилетнем возрасте вдруг обнаружил, что вовсе не бухгалтерия была его «птицей», а переплетение книжек. Он так увлекся этим, что бросил свою прежнюю профессию и стал крупным мастером-переплетчиком. Чем больше книга была потрепана, тем работа с ней доставляла ему большее наслаждение...

Ленинградский Молодежный театр родился полтора года назад. А еще четырьмя годами раньше эти ребята и другие их сверстники пришли в Театральный институт, потому что считали, что именно здесь они должны «нарисовать свою птицу». Первоначально заявлений было три тысячи, а принятыми оказались двадцать шесть человек и три кандидата. Три тысячи... Абсолютное большинство из них никакого отношения к театру иметь вообще не могли, потому что в театре, чтобы «нарисовать птицу», еще надо иметь позицию. Надо знать: «Зачем я вышел на сцену и что такое скажу сегодня людям, чего они, может быть, до меня не знали? А если знали, но не задумывались, то тогда, может, заставлю их задуматься? Произойдет какой-то нравственный урок, который оставит хоть маленький шрам в зрительской душе...» Если же у человека этого нет, а есть лишь желание выйти на сцену только потому, что там — свет прожекторов и все на тебя смотрят, если человеком владеет только честолюбие, он этой «птицы» не нарисует никогда. И еще: эта «птица» рисуется ежедневно. Да, каждый день, до самой смерти. Потому что если человек останавливается, то «птица» улетает...

— Кто, на ваш взгляд, сегодня «идет в артисты»? Чем, по-вашему, вызван такой повсеместный наплыв в театральный институт? Модой?

— У меня нет ощущения, что это мода. К сожалению, многие мечтают стать артистами, считая, что в театре — «легкая жизнь». Конечно, копать землю или стоять у станка трудно — казалось бы, куда легче выучить текст и выйти на сцену. Эта, к сожалению, весьма распространенная точка зрения на самом деле никакого отношения к изнурительному труду актера не имеет. Да, изнурительному, даже — чисто физически, потому что актер, особенно молодой, должен постоянно находиться в состоянии тренированности, что связано с большим физическим напряжением. Вот, в «Ловушке Блоху танцует Лариса Луппиан. На пуантах. А ведь никогда раньше Лариса на пуанты не вставала — чего это ей стоит!..

Кроме физической, театр — это еще и нервная нагрузка, потому что если в действительно художник, то постоянно идет такая работа нервов, какая другой профессии вряд ли знакома. Еще нюанс: в театре, известно, есть актеры ведущие, а есть и такие, что на вторых ролях. И человек даже в самой маленькой роли должен уметь играть на полной отдаче, веря, что со временем тоже «станет генералом», должен иметь внутренний стержень. Если же такого стержня нет, у человека опускаются руки, и для искусства он гибнет.

Это — о «легкой жизни». Еще — о объяснию отчасти ажиотаж вокруг театрального института влиянием семьи. Мальчик становится на стул, читает восемь строчек стихотворения, и родители ахают: «Артист!» И убеждают в этом сыночка...

— Ну хорошо — с этими все ясно. Допустим, вы отобрали 20—25 абитуриентов. А с ними-то все в порядке? В них-то вас ничто не тревожит?

— Увы, тревожит. Вот, например, встречаюсь с человеком перед последним туром на собеседовании, и вдруг выясняется, что по литературе у будущего артиста тройка, что «Анну Каренину» он вообще только смотрел по телевизору. А ведь литература — это для актера основа основ, именно с нее начинается работа над спектаклем... Или, допустим, прекрасный парень, но немного шепелявит. Чтобы избавиться от этого недостатка, он должен постоянно, по два часа в день, произносить специальные упражнения. И он их произносит — на уроке, но, уйдя с урока, говорит по-старому. А вот если бы он был фанатиком... Но, к сожалению, фанатиков среди будущих актеров маловато.

— Простите, но, может, вам вообще свойственно поворчать на молодых?

— Когда человек, переваливший за пятьдесят, начинает ругать молодежь, это первый признак его старости. И тем не менее есть какие-то объективные вещи, которые возрасту не подчиняются... Наша молодость была суровее, и эти сложности жизни вырабатывали в нас иммунитет к житейским испытаниям. Меня в нынешних молодых тревожит некоторая запоздалая инфантильность. А одна инфантильность таит за собой другую. Объясню это на примере артистов.

Театральный институт этически воспитывает молодых людей на статье Станиславского «Этика». Мне кажется, что здесь совершается ошибка, потому что эта «Этика» выдается ребятам как данность существующая, в статье-то написана как мечта великого реформатора о будущем театре. И ребята в результате представляют себе театр иначе, чем он существует на самом деле. Кажется, Немирович-Данченко сказал: «Театр — это постоянная борьба с компромиссом». Очень мудрая формулировка. А молодые к этой борьбе подчас не готовы.

Так вот, инфантилизм для меня существует в двух лицах. Инфантилизм гражданский, когда человеку очень важно, что ОН СУЩЕСТВУЕТ, и совсем не важно, что происходит в Чили или Португалии. (Этого инфантилизма, кстати, я не обнаружил на БАМе. Там ребята хорошо понимают, для чего приехали в Сибирь, что строят и зачем). Если человек инфантилен, он не знает и зачем вышел на сцену: так, покрасоваться... А этот гражданский инфантилизм тащит за собой как неизбежность инфантилизм творческий.

Актеры нашего Молодежного театра все учились при Театре имени Ленсовета, и в результате они вынесли ощущение, что в театре за право выйти на сцену надо бороться. Не подхалимничать, а доказывать в работе это свое право.

— И что же, Игорь Петрович, есть у вас рецепты от болезни «инфантилизма»?

— Рецептов, наверное, есть несколько, но главное все-таки, на мой взгляд, — постараться открыть молодым людям на примерах других, внешне более прозаических профессий сложность и прелесть труда.

И тут у нас есть кое-какой опыт. Прежде всего, наш театр уже многие годы тесно связан с производственным объединением «Светлана». А что такое «Светлана»? Это — высокий уровень производства, это — необычайная точность операций, это — средне-техническое и высшее образование, это — молодость. Со светлановцами всех нас, и молодых артистов в том числе, связывает прежде всего хорошая человеческая дружба. Они члены нашего худсовета, мы у них читаем пьесы, играем спектакли. Наши ребята часто бывают и на самом предприятии, и в ПУ. И эти встречи многое им дают...

Надо сказать, что, когда на Молодежный театр пошла мода, зритель навыдавал ребятам авансов. А это опасно. И дабы у них не закружилась голова, мы постарались поскорее приблизить их к жизни. Чтобы встречались побольше со зрителем самых разных категорий, сами (а не руководитель) отвечали на их вопросы, самые каверзные. Чтобы были приучены много работать. И еще чтобы увидели своих сверстников в самых трудных делах.

Прошлым летом они полетели в Надым и увидели, как в тундре люди укладывают громадные газовые трубы, решая при этом массу сложнейших технических проблем. И многое осознали, и играли для этих людей с особым чувством. (Потом ребята прилетели на компрессорную станцию, и эта встреча тоже стала для них наглядным уроком... Весной они снова побывали там со спектаклем — это был подарок театра партийному съезду. И вот совсем недавно мы вернулись с БАМа.

Сначала пять спектаклей в Ангарске, затем перелет в Усть-Кут, и дальше — на машине... И когда в Звездном ребята увидели, как рельсы упираются в тайгу, через которую их сверстникам надо пройти, это снова для молодых артистов стало нравственным уроком. Дороги там трудные: 36 километров от Звездного до Нии машина тряслась пять часов, но усталые артисты все равно играли с какой-то особенной отдачей. Неделя выдалась сверхтрудной, но никто не зныкал — наоборот, помогали друг другу, как только могли... Вместе с грамотами, дипломами и значками (которые в Ангарске выпустили специально в честь этих гастролей) привезли ребята на невские берега огромное желание «жить по-бамовски». И еще есть у них реальная мечта: повезти свое искусство в Северобайкальск — город, который строят ленинградцы.

— Игорь Петрович, а что, собственно заставило вас организовывать Молодежный театр! Разве режиссеру Театра имени Ленсовета и без того мало хлопот!

— Справедливое недоумение, но вот когда они сыграли дипломный спектакль «Старший сын», меня спросили: «Неужели их отпустите?» И я решился не отпускать... А потом создание нового театра, хотя это и доставляет забот, согласитесь, — черта в биографии режиссера приятная...

Правда, театра в абсолютном смысле этого слова пока еще нет. Они — как бы в аспирантуре. И, кстати, продолжают свое обучение в основном на классике. (Ведь эстетическая программа Молодежного театра — это воспитание молодого рабочего. На чем же прививать любовь к театру, к хорошей литературе, как не на хорошей литературе!). Через два года к ним примкнет второй выпуск — и можно будет считать, что труппа почти сформирована... Наши шефы со «Светланы» помогут в гуще Выборгского района, на проспекте Карла Маркса, реконструировать нам помещение кинотеатра «Спорт» — и там откроется филиал Театра имени Ленсовета, где и будет играть молодой коллектив.

— О чем вы больше всего беспокоитесь, работая с новым коллективом?

— О том, чтобы они не потеряли обаяния молодости, не приобрели мастерства.

Л. СИДОРОВСКИЙ

А ПОТОМ молодые артисты — и комсомольский секретарь Елена Ложкина, и Лариса Луппиан, и Елена Макарова, и Сергей Мигицко, и Валерий Доронин — наперебой рассказывали о путешествии в далекий сибирский край, о таких же, как они, парнях и девушках, которые прокладывают сквозь тайгу «магистраль века». Были у них там долгие, за полночь, разговоры о житье-бытье, были хорошие песни, и были на прощание цветы, которые называются жарками. Несколько оранжевых бутонов девчата привезли с собой, и поэтому сегодня в их театре немножко пахнет тайгой.

● На снимке, который сделан на БАМе, — Игорь Петрович Владимиров со своими питомцами.